

Татьяна Ма

МЕДВЕДИЦА

Москва

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М12

Иллюстрация на переплете *Ирины Нюренберг*

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Ма, Татьяна.
М12 Медведица : роман / Татьяна Ма. — Москва : Эксмо,
2024. — 256 с.

ISBN 978-5-04-198008-5

Тайга. Посёлок на несколько дворов. Тая чужая здесь. У неё новая внешность и, как она надеется, новая жизнь. Она отвыкнет от шёлковых простыней и научится топить печь. Она рискнёт и доверится совершенно незнакомым людям. Всё ради того, чтобы сбежать от самого опасного человека, которого она когда-либо встречала. Её мужа.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198008-5

© Татьяна Ма, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

— **О**на точно не проснется? — Сквозь пелену и боль до меня доносились приглушенные голоса.

— Точно. Доктор ей двойную дозу успокоительных вколол. От такого и слон не проснется, — слышался ворчливый ответ. — Поезжайте домой, ничего с вашей женой не делается.

— Смотрите, если с ней что-то случится, я головы вам снесу! — прозвучал грубый ответ.

— Говорю вам — будет спать как убитая до самого утра, а то и дольше.

Я попыталась пошевелиться, но тут же каждый сантиметр тела отозвался болью. В глазах потемнело, но даже сквозь боль я не расслышала, а скорее почувствовала звук открывавшейся двери. Я тут же замерла, плотно сомкнув веки.

— Ну, убедились? — спросила медсестра. — Говорю же вам — спит!

— Ладно, — раздался голос мужа. — Я вернусь в шесть.

— У нас часы посещений с девяти.

Дверь скрипнула и закрылась. В коридоре слышались звуки удаляющихся шагов. Муж, кажется, что-то еще говорил, а медсестра продолжала ворчать.

Только когда вдалеке захлопнулась еще одна дверь, я позволила себе выдохнуть и открыть глаза. Шаги за

дверью приблизились, но я уже не боялась: это медсестра вернулась на дежурный пост. Муж ушел. Звук его шагов я бы узнала из миллиона других.

— Как же, двойную дозу им, — усмехалась медсестра, и ее голос эхом разносился в пустом помещении. — У нас и одинарная-то, как в войну хлеб, по карточкам. Понаехали со своих столиц и требуют, требуют, требуют. Сволочи.

Она еще долго что-то бубнила, и я старалась сосредоточиться на этом звуке, чтобы не уснуть. Мне ни в коем случае нельзя было спать, потому что если я усну, то лишусь, может быть, единственного шанса в своей жизни.

Не знаю, сколько прошло времени, пока в коридоре все не стихло. Когда наконец-то наступила долгожданная тишина, я еще какое-то время лежала не двигаясь. Вскоре раздался раскатистый храп — медсестра уснула.

Я попыталась сесть, но тут же перед глазами все поплыло. Кое-как совладав с подступившей тошнотой, я спустила босые ноги на ледяной пол и осмотрелась. Один глаз заплыл, видеть что-то было тяжело. Предплечье было перевязано. Я знала — на нем рваная рана. Ребра болели так, что дышать было больно, поэтому я делала маленькие отрывистые вдохи и медленно-медленно выдыхала. Болела спина где-то над копчиком. Там наверняка уже назрела фиолетовая гематома. Такие же покрывали живот и грудь. Мизинец левой руки был плотно забинтован и зафиксирован. Сломан — поняла я. Ничего. Не впервой. Эта рана беспокоила меня меньше всего. Меня вообще сейчас мало беспокоили синяки, переломы и гематомы. Главное — я могла шевелить ногами, а значит, у меня был шанс.

Нужно было действовать быстро. Я, пошатнувшись, встала с больничной койки. На меня надели какую-то потрепанную пижаму. Вернее, больничную робу, доходящую до икр. Одежды, в которой меня привезли, нигде

не было видно. Я заглянула в тумбочку. Скривившись от боли, я наклонилась и вынула оттуда часы, золотые серьги и паспорт. Открыв его, я почти заплакала от радости. Мой собственный паспорт. Какая оплошность с *его* стороны положить паспорт здесь. Брать часы и серьги я не хотела, но понимала, что оставлять их здесь будет глупо: и то, и то стоило хороших денег, а деньги мне будут нужны.

Одежду я так и не нашла. Бежать из больницы в тонкой робе, когда за окном конец сентября? Да меня остановит первый же сердобольный прохожий и сдаст в полицию или в психушку.

Ничего не оставалось, как выйти в коридор и заглянуть на сестринский пост. Может, хоть там я найду одежду?

Я осторожно открыла дверь и выглянула, она предательски скрипнула. Я замерла, прислушиваясь. Стопы занемели от холода, но мне было все равно — лишь бы ускользнуть.

Мне повезло — дверь палаты напротив была приоткрыта, и в нее попал свет от потолочной лампы в коридоре. Я тут же заметила одежду, аккуратно сложенную на стуле, и женские сапоги. Оставалось только надеяться, что пациентка, которая обитала в этой палате, спала крепко.

Прикусив губу, чтобы не закричать от боли в ребрах, которая выбивала из меня дух при каждом шаге, я скользнула внутрь. Бросив взгляд на кровати, я увидела, что, как и в моей палате, занята была только одна. На ней, отвернувшись к стене, спала женщина. Не теряя времени даром, я схватила одежду со стула. На его спинке висела сумка. Я поколебалась, но все же заглянула внутрь. В кошельке оказалось несколько пятидесятых купюр, пара бумажек по тысяче и несколько пятаков. Совесть не позволила мне взять все. Может, у этой женщины тоже не было других денег? Я взяла одну пятидесятую банкноту, две тысячных и выгребла кое-что из мелких купюр. Свой поступок я оправдывала тем, что

у женщины все равно осталась приличная сумма. Гораздо больше той, что взяла я. «Вот ты и воровка, Тая», — горько подумала я.

Все, хватит! Ньюни буду распускать потом! Я тихонечко пробралась к двери и вдруг заметила в углу пару ботинок. Нет, мне и правда везло сегодня. В кои-то веки бог был на моей стороне.

Я вернулась в свою палату, закрыла дверь и быстро, насколько позволяла боль, переоделась. Одежда с чужого плеча была мне великовата, и от нее неприятно пахло лекарствами и чужим потом. Широкие джинсы норовили сползти с талии. Свитер кирпичного оттенка висел мешком. Зато обувь подошла по размеру и казалась удобной. Верхней одежды не было. Ничего, на улице пока не так холодно. Мне еще повезло раздобыть хоть что-то. В сельских больницах, видимо, не так строго соблюдались некоторые правила, даже уличную обувь никуда не убирали из палаты.

Я планировала вылезти через окно, но, когда я уже собралась отдернуть тонкую штору, меня словно что-то остановило. Сердце затрепыхалось от страха. А что, если он там, снаружи, только и ждет, когда я попытаюсь сбежать? Я быстро сделала шаг назад. Слишком резко. Боль тут же пронзила низ позвоночника. Дыхание сбилось, и слезы непроизвольно наполнили глаза. Успокоиться. Тебе нужно успокоиться и подумать. Тебе и так слишком повезло сегодня: ты оказалась в больнице в каком-то захолустном городке, твоя палата — на первом этаже, тебе не вкололи снотворное, хотя сказали, что вкололи, ты нашла одежду, хотя твою наверняка унес он, ты и деньги нашла. Не испортить все в последний момент! Думай! Думай хорошенько!

Выбираться через центральный вход в больницу было так же опасно. Я решила попытать счастья в одной из палат в конце коридора. Проскользнув мимо поста мед-

сестры, которая раскатисто храпела и не проснулась ни от скрипа двери, ни от звука моих шагов, я прошла в самый конец коридора. Наугад открыла дверь одной из палат, что выходили на противоположную сторону от моей, и заглянула внутрь. Пусто. Я осторожно выдохнула, скользнула внутрь и прикрыла за собой дверь. Подойдя к окну, я сначала встала сбоку и с опаской выглянула наружу. Ничего не видно. Кажется, окно выходило в палисадник. Я надавила на ручку, крутанула ее в сторону и дернула створку. На меня тут же пахнуло сыростью и запахом опавшей листвы.

Слава богу, здание больницы было старым и будто вросшим в землю, поэтому окна здесь тоже располагались низко. Спрыгнуть с подоконника было проще простого, однако даже такие действия причиняли адскую боль. Крик я сдержала, до крови прикусив губу. Потерпи, милая, потерпи.

Куда идти в незнакомом городе, я не знала, но смутно помнила, что утром, когда мы ехали, проезжали и эту больницу, и автостанцию. Кажется, они располагались недалеко друг от друга, по крайней мере, если я оказалась в той самой больнице.

Выскользнув из тени кустов, росших у больницы и служивших забором, я посмотрела вдоль улицы — ни людей, ни машин. Лишь одинокий фонарь едва освещал пяточок асфальта поблизости. Я взглянула на часы: почти три утра. Нужно найти автостанцию и узнать, во сколько отправляются первые автобусы.

Свернув от больницы налево, я заметила вывеску магазина «Матрешки», которую заметила еще утром, в машине. Значит, я правильно сориентировалась, выбрав это направление.

Вскоре показалось крошечное здание автовокзала, примыкавшее к заправке, а за ними — вокзал железнодорожный. На электричке было бы лучше, ведь я могла

выйти на любой станции и **он** не смог бы меня быстро найти. Я поспешила к вокзалу, но тут же остановилась. Во-первых, в такой час там наверняка пусто, а значит, я привлеку внимание дежурного или уборщика, и меня наверняка запомнят. Во-вторых, первую электричку придется ждать несколько часов, которых у меня не было.

С тоской я взглянула на автовокзал и заметила одинокий автобус. Неужели есть ночные рейсы? Подойдя поближе, на табличке я заметила расписание. Ближайший автобус отходил через полтора часа и шел на Москву. Через час после него был еще один рейс и тоже на Москву. Больше автобусов не было до семи с половиной утра. Я не могла ждать так долго. **Он** сказал медсестре, что придет в шесть, и вряд ли он опоздает. И хоть та грозилась не пустить его до девяти, мне с трудом верилось, что у нее что-то выйдет. А значит, уехать мне нужно было до шести. Потом мои шансы скрыться растут.

Значит, в Москву? Как же мне не хотелось возвращаться в этот проклятый город. Я знала, что **он** подумает: она слишком глупа и беспомощна, чтобы уехать далеко от родного города, она будет искать помощи у знакомых, как делала когда-то, она побежит зализывать раны в то место, которое считает безопасным. Именно так **он** будет рассуждать и первым делом бросится искать меня там. А значит, мне нужно уехать как можно дальше.

Может, поймать попутку? Это было опасно, да и машин на ночной трассе пока не наблюдалось. В этом городишке будто все вымерли. Только водитель рейсового автобуса дремлет прямо за рулем. Первых пассажиров еще не было видно.

Я обошла здание автовокзала и вздрогнула, когда ночь огласил рев заводящегося мотора. В дальней части автозаправки оживал и кряхтел старенький «пазик». Не успев подумать, что я делаю, я бросилась к нему.

— Подождите! — заколотила я в закрытую дверь.

— Чего тебе? — раздался грубый голос водителя, приоткрывшего окно.

— Куда идет этот автобус?

— За кудыкину гору! Не видишь, что ли? Служебный. Рабочих вожу.

Только сейчас я заметила на двери «пазика» приклеенный лист бумаги с надписью «Служебный».

— А тебе куда надо-то? Я до Смоленска еду.

— Мне как раз туда и надо, — задыхаясь от боли и страха, тут же соврала я.

— Могу подкинуть, — смилостивился водитель и наконец открыл дверь.

Я забралась внутрь.

— Вперед садись, — грубо сказал он. — По дороге гастарбайтеров заберем, сейчас набьется по самую крышу.

Я с опаской поглядела на шофера, но все же села вперед, как он просил. Когда я разместилась на сиденье, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание, водитель вдруг зажег лампочку. Я зажмурилась. Заплывший глаз кольнуло острой болью.

Водитель присвистнул, а я с удивлением поняла, что шофер — женщина. Просто голос у нее был такой прокуренный и низкий, что, не видя лица, легко было принять ее за мужчину.

Женщина с любопытством осмотрела меня и наконец тронула «пазик» с места.

Уехать на автобусе, которого не было в расписании автовокзала, было наилучшим вариантом. **Он** сначала будет искать меня в Москве. **Он** наверняка подумает, что я уехала на одном из первых двух автобусов. **Он**, конечно, пройдет и в здание железнодорожного вокзала, узнает, не видел ли кто меня и не покупала ли я билет. Меня вдруг прошиб холодный пот.

— А касса автовокзала во сколько открывается?

— Ни во сколько, — тут же отозвалась женщина.

— Как это?

— Нет давно кассы. Стоят автоматы, в них и покупают билеты. А если сломаны, что бывает чаще всего, то прямо у шофера.

Я облегченно выдохнула. Значит, он не сможет узнать у кассира, на какой автобус я взяла билет. Проверит сначала первые два маршрута. Третьим, кажется, был автобус на Вязьму, потом — на Смоленск. Значит, в Смоленске я не останусь надолго. После неудачных поисков в Москве там он тоже будет искать. Хорошо, что эта женщина отвезет меня туда. Хорошо, что не в Москву.

Водитель сунула сигарету в зубы и вдруг спросила:

— Кто это тебя так разукрасил?

Я вздрогнула.

— Никто... Сама упала.

— Ага, сама, — грубо хмыкнула женщина. — Знаем, падали.

Больше она ничего не говорила, а я, завесив изуродованный глаз волосами, прислонилась головой к окну и стала вспоминать, как оказалась в этом городке.

– 2 –

— Зачем мы едем туда? — осторожно спросила я.

— Не твоего ума дело.

Можно было и не спрашивать. Я уставилась в окно и неосознанно сжала кулаки, но, мгновенно опомнившись, распрямилла пальцы, положив руки на колени ладонями вверх. Я хорошо помнила все его уроки.

— Сжимаешь кулаки — значит, злишься. А тебе не на что злиться, Таисия. У тебя все есть, — с усмешкой говорил Денис, поигрывая тонким металлическим прутом. — Расслабленные, открытые ладони — знак доверия. Ты же мне доверяешь?

Я кивнула, не решаясь поднять на него глаза.

— Я не слышу, Таисия. — Его голос звенел сталью.

— Да, я тебе доверяю, — сказала я, пытаюсь придать голосу уверенности.

— Умница. Тогда раскрой ладони, — вежливо попросил Денис.

Я дрожала. По спине скатывались струйки пота.

— Раскрой ладони, Таисия, и положи их на стол перед собой.

Я подчинилась. Разжала кулаки и положила руки ладонями вверх. Пальцы заметно дрожали.

— Вот так. Полное доверие, — улыбнулся Денис. — Всегда знал, что ты умница.

Он погладил меня по голове, продолжая улыбаться. Я знала, что нужно сделать дальше, поэтому улыбнулась в ответ.

Металлический прут со свистом рассек воздух и опустился на мои ладони. Я вскрикнула от обжегшей меня боли и непроизвольно снова стиснула кулаки, но тут же распрямила пальцы, по которым Денис нанес еще один удар. Потом еще и еще.

С тех пор я знала, что раскрытые ладони — знак доверия. И я полностью доверяла мужу. Злиться мне было не на что. Совершенно не на что.

Вот и сейчас я продолжала смотреть в окно на пронесившиеся мимо поля и держала руки открытыми ладонями вверх.

— Я там дом купил, — сказал Денис. — Будем теперь сельскими жителями. Как тебе такое, а? — засмеялся он.

Я удивленно посмотрела на него, и Денис разразился хохотом.

— Ты бы видела свое лицо! Не бойся, не заставлю я тебя картошку сажать. Дом от тетки в наследство достался. Посмотрим, что к чему и за сколько это дерьмо можно продать.

Я не знала, что мужу достался дом в наследство. Впрочем, и о существовании у него тетки я тоже не знала.

Вскоре мы въехали в небольшой городок, проскочили несколько улиц. На светофоре я заметила яркую вывеску магазина «Матрешки». Правда, в витрине стояли какие-то ведра, швабры и газонокосилки. Матрешек там и в помине не было. Дальше мы проехали крошечный автовокзал, за которым вдаль виднелись платформа и мост, ведущий через железнодорожные пути.

За автовокзалом мы свернули на очередную улицу. Здесь пятиэтажки сменились деревенскими домами. Мы проехали почти до конца улицы. Рассмотрев номер на криво висевшей табличке, Денис остановил автомобиль у предпоследнего дома.

— Приехали, — сказал он и выбрался из машины.

Дом был стареньким, выкрашенным желтой, местами изрядно облупившейся краской. Давно не беленные наличники хмуρο взирали на нас. Меня пробрал озноб. Входить не хотелось.

— Я же говорил — дерьмо! — скривился муж и толкнул калитку, ведущую в палисадник.

Я последовала за ним. Заросший лужок перед домом, обветшалое крыльцо, пустующая собачья конура. Сам дом встретил нас затхлостью и запахом лекарств. Слева от двери виднелся откинутый люк, ведущий, видимо, в погреб. Господи, почему его не закрыли? Подвалов и погребов я боялась до жути.

— Да уж. Негусто, — констатировал Денис и взглянул на часы. — Значит, так. Сейчас придет риелтор, я с ним перетру по поводу продажи этой халупы. Ты пойдешь вон туда. — Он кивнул на дверь, приютившуюся в углу большой комнаты, где мы стояли и которая, видимо, служила бывшей хозяйке гостиной. — И чтобы сидела тихо, Таисия. Поняла? Я и так уже достаточно зол.

Я кивнула и ушла в дальнюю комнату. Здесь почти ничего не было: старая узкая кровать у стены, небольшой столик под крошечным окном да стул, на котором лежали какие-то тряпки. На противоположной от кровати стене висели часы, которые громко тикали.

Не знаю, сколько я так просидела. Я слышала, как Денис разговаривает с риелтором, но голоса доносились приглушенно, а потом мужчины вообще вышли на улицу.

В доме давно никто не жил. Он выстудился. От обшарпанных стен веяло гнилью. Подушка, лежавшая на кровати, на ощупь казалась сырой.

От сидения на одном месте затекли ноги. Я встала, чтобы хоть как-то размяться и согреться. Царившая во круг сырость пробирала до костей. Половицы под ногой предательски скрипнули. Я лишь надеялась, что Денис не слышал, ведь он был снаружи.

Вернулся он часа через три. За окном уже совсем стемнело.

— Сидишь? — спросил Денис, распахнув дверь. — Хоть бы приборала дом. Посмотри пылинки сколько.

Я не знала, что ответить, но ему и не нужен был ответ. Муж был на взводе.

— Хорошая жена давно бы порядок навела, пожрать приготовила, а от тебя никакого толку, Таисия. Привыкла жить на всем готовеньком. — Он наклонился ко мне и резко схватил за горло. — Вот скажи, зачем ты мне нужна, а?

— Денис, я сейчас все сделаю, — еле выговорила я.

— Сделаешь, как же. Я к тебе со всей любовью, а ты просто конченная бесполезная сука.

Он резко отпустил меня, и я упала на кровать, хватая ртом воздух. Денис вышел, и я уже было подумала, что все обойдется, но ошиблась, как и всегда. Я услышала, как он запер дом изнутри. Я знала, что за этим последует, и от ужаса вжалась в угол кровати.